

Беспанцирная черепаха

*- Но вы умерли, барон. У вас есть могила.
Придется снести.
«Тот самый Мюнхгаузен»*

Эта квартира всегда нравилась ее обладателю. Она подходила к нему, как хорошая перчатка к руке – не давила на виски тесными стенами, а на макушку низким потолком, но и не дразнила далекими пыльными углами или ветхой мебелью. В ней было ровно столько жизненного пространства, сколько надо для отдыха и работы. Внешнее расположение тоже было комфортным. Этаж достаточно высокий, чтобы вонь от мусорных бачков не залетала в форточку, и достаточно низкий, чтобы отключение лифта превратилось в трагедию. Дом, хоть и стоял поблизости от городского центра, располагался не настолько престижно, чтобы по его коридорам шастали риэлторы в поисках свободной жилплощади.

Художнику, высокому худощавому человеку, состоявшему будто из одних хрящей, при обмене особенно понравились липы, что волновались зелеными облаками перед самыми окнами. Стены он расписал картинами летних садов, лесов и опушек, которые населил зверьем и самыми красивыми птицами, что нашлись в справочнике. Он любовно обставил новоприобретенное жилище, перевезя сюда свои лучшие работы, потратив все заначки и даже заняв по случаю у всех возможных знакомых.

Работалось ему здесь хорошо, краски исправно ложились на холст, вырисовывались композиции, выступали из небытия лица. Он не был особенно модным или известным живописцем. Стил - рисование фантастических зверей, как можно более подробное, по всем биологическим канонам - ценился немногими эстетамы, им любовались биологи, могли удивляться дети. Так бы и остался художник неизвестным чудачком, не появившись на горизонте сказка в купе с фантастикой: издательствам всегда требовался рисунок очередного мутанта, дракона или гоблина. И Скреститель, как его прозвали охочие до шуточек коллеги, чтобы выдать на гора сотый вариант оборотня, срачивал на бумаге гиену с человеком: высчитывал длину позвонков, ширину лобных костей и уклон лица – только потом зажигал в глазах на холсте огонек ярости и жажды убийства. Иногда он переносил удачного монстра в лес, что шумел на стенах, но в компании нормальных зверей такой экземпляр смотрелся слишком одиноко, часто давил на художника тяжелым взглядом и скоро исчезал под слоями зеленой краски.

Исправно текли в кошелек гонорары, отдавались долги, росли сбережения. Художник обзавелся новомодной штуковиной – кредитной карточкой и полюбил вынимать деньги из соседнего банкомата среди рабочего дня.

Был ли он счастлив? Неизвестно. Наверное, он слишком пытался подражать богемному образу жизни – тщательно выдерживал свой облик, репетировал перед зеркалом жесты, коллекционировал в уме эффектные фразы. Но ему отчаянно не хватало той малости, того оттенка уверенности, что превращает эту мишуру в подлинный облик. Над ним не смеялись – он не лез вперед и не стремился прославиться, искупавшись на сцене в бочке с вином – его вежливо не замечали, ему безразлично улыбались и, когда Скреститель пытался завладеть вниманием публики, все внимательно слушали кого-то другого. Бесконечная погоня за славой выматывала художнику нервы, ссорила с близкими, отнимала здоровье и деньги.

Между тем книжное дело не стояло на месте: в даль светлую стали уходить походы в редакции с толстой папкой эскизов, длинное исполнение литографий и подделка под

гравюры. Кисти и краски как-то очень быстро перестали интересовать тех людей, которым он сдавал работы. Они клали «материал» на стекло, прижимали крышкой, щелкали кнопкой – сканировали. Через минуту на экране появлялась та же картинка, которую ответственный за иллюстрацию тут же старался изуродовать - удлинял вампиру клыки, а дракону выращивал на спине забор из шипов, на манер стегозабра. Тщетно пытался художник объяснять, что с такими клыками десны у вампира все лицо займут, а дракон отяжелеет и грохнетя в первую сколько-нибудь широкую пропасть. Не помогало - когда редактор-живописец сам менял картинку, вульгарность закипала в нем напоподобие вулканической лавы. Одними уговорами здесь бороться было бессмысленно.

Скреститель потратился на компьютер, правда, слабенький, обзавелся сканером, принтером и вообще всей возможной периферией. На это опять улетели почти все сбережения, но неожиданный кризис превратил расточительную покупку в мудрое капиталовложение. Образовавшийся перерыв между заказами Скреститель отдал учебе – надо было не только овладеть мастерством переноса обычного рисунка на ту сторону экрана, но научиться создавать его там с нуля. Тут же выяснилось множество любопытных деталей: все те слухи о чертежных возможностях электроники оказались чистой правдой и даже больше. Гравюры старых мастеров и груды анатомических набросков перестали быть ежеминутным справочником – машина исправно высчитывала толщину костей и длину шерстяного покрова. Скреститель стал делать «болванки», эскизы будущих зверолодей только на экране, там было удобней искать эффектные позы и строить такие композиции, на которые не поднималась рука у самого испорченного редактора. Готовые работы сканировал, а оригиналы накапливал в архиве – кладовке, которую заполнил стеллажами и снабдил крошечным вентилятором.

Кризис миновал, работами опять стали интересоваться, его известность даже повысилась – Скрестителя узнавали в издательствах и завистливые коллеги стали устраивать мелкие пакости. Художник теперь ходил по заказчикам с роскошной кожаной барсеткой и укладкой дискет, которой теперь ему хватало для самых больших полотен.

Но прогресс не стоит на месте – компьютерную мышку заменило перо и кисть, умещавшиеся на специальной подставке. Они позволяли делать что угодно. Прозрачная легкость акварели, тяжелые мазки гуаши, аккуратные следы масла, тончайшие движения пера с тушью – все стало ему подвластно. Скреститель наслаждался новой властью над образами, сутками пропадал у экрана, пробовал все возможные стили и направления, манеры и приемы письма. Он стал рисовать даже лучше, чем до знакомства с машиной. Но слава по-прежнему не желала стучаться в его двери. Даже когда он создал портрет разумного ящера, снимавшего измерителем мерки с человеческого черепа, а за эту вещь он получил полдюжины премий - его приглашали на презентации сцепив зубы. Скрестителя не любили: за неуживчивость характера, показную мишуру, желание говорить о своих работах правду – это же надо было додуматься, на банкете по поводу выхода шикарного иллюстрированного справочника нечистой силы, взяться за перо и начать поправлять сделанное! Он требовал безоговорочного признания своего таланта, а это никому не нравится.

Потому Скреститель обиделся на богему. Замкнулся. В прямом смысле. Оптическое волокно позволило рассылать свои работы не выходя из дома. Электронная почта и телефон заменили разговоры с редакторами, чаты-говорилки позволили ругаться с критиками и собрать небольшой круг почитателей. Вот только поклонники были разбросаны по трем четвертям земного шара, говорили на десятке языков и почтение испытывали к работам мастера, но никак не к нему самому. Еду художник заказывал рассылным, зонтики и плащи спрятал в дальние углы гардероба – получилась большая экономия на одежде. Книги получал по почте, альбомы заносили курьеры, а потом всемирная паутина отменила и эту необходимость – в ней стало возможным найти все. Он

рисовал и тут же сбрасывал работы на сайты, продавал их на другой конец света и получал оттуда деньги.

Так прошло еще несколько лет. Мастерство художника росло – он взялся рисовать не только героев. Новая одежда, ладно сидевшая на хитиновых плечах, оружие, удобно ложившееся в шестипалые ладони, доспехи из пластин костехвостого бурдача и двери для гигантских богомоллов. Кресла, подходящие крылатым сиамских близнецам и чашки-кипяильники для свежей адской смолы – все это стало ему подвластно. Скреститель создавал антураж миров, облакал иллюзорной плотью фантазии писателей.

Он не стал по настоящему богат – большие деньги вертелись в кино, а к оформлению персонажей его не пускали. Его идеи заимствовали, платили отступные, штрафы по приговору судов, но не хотели ставить его имя в титрах. Создатели компьютерных игр, которым до ужаса нужны были подобные герои, охотно покупали заготовки, идеи, с удовольствием слушали лекции, но к работе в коллективе его не подпускали и на пушечный выстрел. Книги и журналы, заставки порталов и натурные представления ролевиков – вот каков стал его удел.

Так бы и остался художник незаметным человеком, тяжело нагруженной тенью, каких очень много было впряжено в колесницу истории, не додумайся он сменить тактику. В одну не слишком свежую летнюю ночь, – духота проникала даже сквозь барьер кондиционеров, – Скреститель оглядывался на роспись стен и понял, что довольно давно никого там не рисовал. Отложив дела, он попытался усадить на дубовый сук человека-птицу. Удод, походивший на панка, отказался размещаться в этом уютно обиталище. Так же не послушались художника и обывательски располневший зяблик, и гриф-бюрократ с тонкими узловатыми пальцами и моноклем в жадном глазу.

Скреститель задумался, переделал их анатомию, пытался сажать на траву и на пни, но ничего абсолютно не входило – он не верил собственной кисти. Летний сад, до сих пор просторный и уютный, вдруг показался тесной, затхлой, фальшивой декорацией. Художник отступил, решил успокоить нервы любимыми картинами и новой, особо ядовитой критикой в адрес конкурентов, которую давеча скачал с форума.

Мысли, пришедшие ему на ум, подсказали, что он достиг нового уровня мастерства, и старый сад просто мозолит глаза юношескими ошибками. Надо менять все росписи. Дело только за сюжетом. С этим убеждением он и заснул.

Встал Скреститель рано, в поисках подходящего сюжета пролистал несколько книг и напряг память. Пустыню рисовать не хотелось – и так было слишком жарко, океан он просто недолюбливал, а степь, пусть и разнотравная, казалась ему однообразной. Можно было нарисовать бесконечное переплетение лиц, лап, хвостов, крыльев и шкур – вариацию Босха – но Скрестителю не хотелось тратить так много времени и жить под сверлящими взглядами тысяч существ. Кроме тех лип, что шумели под окном, ничего не шло в голову. Художник раскрыл жалюзи и зажмурился от Солнца, бывшего своими лучами ему в лицо.

Он не видел его... месяц? Нет, больше. Пожалуй полгода – работал допоздна и вставал, когда оно уходило за крышу дома. Что-то в этом было очень неправильно. Это не имело никакого отношения к росписи на стенах, дело было в нем самом. Художник подошел к зеркалу – оно намекало, что его хозяин стал слишком напоминать собственные творения. Бледный как смерть, он не утратил своей хрящеватой угловатости, однако не было в ней силы, молодости и задора, что толкали его на обретение славы. Художник походил на только оживленного мертвеца, которого набелили, накачали формалином, только

подрумянить забыли. Правда, жили глаза и пальцы – в них светилась жажда работы. Он понял, что так ему никогда не стать знаменитым.

Когда художник отвернулся от осколков разбитого стекла и немного успокоился, разум начал подбрасывать новые способы решения проблемы. Ведь критики так любят мертвых художников именно за их покладистый характер – что угодно можно говорить о них и выдумывать, хоть зубную боль у «Джоконды», хоть слепоту у Фидия. Надо дать им эту свободу. Если он не будет требовать денег сию секунду, не будет соваться когда не просят со своими гениальными замечаниями, его работы начнут упоминать чаще. Зачем платить гонорары криэйторам, если можно прямо взять его рисунки? Трудно ужиться с ним? Ладно, пусть уживаются с покойником.

Правда, выступил из тени страх – вдруг все это приступ мании величия, вдруг Скрестителя забудут еще быстрее, чем успеет покрыться пылью урна с его прахом? Посредственности нагло расхватают все сюжеты, а таланты, что смогут переработать их, – назовут его творения своими именами? Как это определить? Но разве не упоминают его имени, даже там, куда его не зовут, разве не его заготовки используют, разве не его дизайн получает премии?

Весь вопрос в том, как и куда исчезнуть. Скреститель закрыл графические приложения, активировал сопровождаителя и стал искать, где можно как следует укрыться. На виллы в дальних горах и отели у теплых морей, в которых придется жить несколько лет, денег просто не было. Тупо переехать в соседний дом художнику тоже не улыбалось – будет все тоже самое, только он лишится и той крохи общения, что у него есть. Так и повеситься недолго. Да, еще один деликатный вопрос – если он вызывает отвращение сейчас, то каково будет его воскресение? Раскрученный образ не бросят, это ясно, но как отождествиться с покойным? Вдруг окажется мало тех отпечатков, что остались на картинах?

Следующую неделю, отловив временно жилищный вопрос в сторонку, Скреститель провел в разъездах по городу. Он изображал попытку отчаянного возвращения гения. За взятку отгиснул собственные руки в бетонной плите, которой украшали очередную аллею малоизвестных знаменитостей. Попытался протиснуться на десяток приемов и смог побывать на трех. Сдал образец генетического материала в институт бессмертия тел. Абсолютно случайно перешел улицу на глазах у постового, не слишком лояльно ответил ему и отсидел три часа в камере – отпечатки пальцев и фото радужки глаз ушли в архив органов. Лично занес в редакции, чему там сильно удивились, несколько новых работ и стал упорно хлопотать о выставке. В каком-то второсортном музее ему обещали маленький зал и под это обещание он перетащил туда большую часть своего материального запасника. Почти все оставшееся он сдал на оценку.

Виртуальные деньги перепрыгнув пару раз со счета на счет, стали реальными, потом еще раз виртуальными. Виртуальный же запасник работ и архив перекочевали в отличный ноутбук, который был немедленно скрыт в старом и засаленном чехле с вплетенными квадратиками солнечных батарей. Техника, что позволяла выводить на печать тончайшие нюансы цвета, позволила разжиться документами – новенький паспорт мог выдержать взгляд бдительного стража порядка. На дне кладовки обнаружилась парочка потертых брюк, слегка рваная кожаная куртка и вполне сносные кеды.

В тот важный вечер художник заgrimировался, пропитал всю квартиру горючими красками, заботливо оставил в ней следы насилия, разбил газовый вентиль, захлопнул бронированные двери, отошел на пару кварталов и позвонил себе на мобильник. Взрыва не было, но прежде, чем успели подъехать пожарные, гудящее пламя обратило внутренности квартиры в пепел.

Скреститель на троллейбусе и попутках выбрался из города. Теперь он был свободен. Куда бежать? Где бы не обосновался художник, его отыскали бы. Скорее не органы правопорядка, хотя и от них надо было скрываться несколько месяцев, но аукционисты, коллеги, все, кто был знаком с его искусством – мольберт, кисти и картины попались бы на глаза фэну, рыщущему в поисках знаменитостей корреспонденту, бдительному соседу, да мало ли кому. Потому он решил не доезжать, не добегать, не прибывать в пункт назначения. Если можно убежать в степь или тайгу, почему нельзя исчезнуть в транспортной системе?

На электричках можно проехать из конца страны в конец, и багаж твой обыскивать не будут, и документы спросят раз в полгода. Междугородние автобусы и грузовики, речные пароходы и баржи, трамваи и троллейбусы – все они дают крышу над головой и хотя бы сиденье. Если не мозолить глаза и аккуратно пересаживаться с маршрута на маршрут, человек становится невидимкой.

Первую неделю Скреститель отдыхал душой. Почти все время спал, лениво сверяясь с расписанием пересадок. Начал отращивать бороду, умывался изредка, приобрел бомжеватый оттенок личности. Встречал рассвет и провожал закат – вознаграждал себя за пребывание в раковине квартиры. Он любовался дымами заводов, находил отдых в разглядывании мусорных бачков и осязал запахи вокзалов. Научился дремать в любой позе, обедать невзрачными бутербродами, выплевывать мусор из пива и газировки. В бесконечном метельшении людей вокруг он начал различать бедных туристов и волокущих на рынок торбы крестьянок, опасно подвыпившие компании и мальчишек, еще неумело прячущихся от кондуктора. Потом глаз художника начал вырывать типажи. В голове начали оседать колоритные персонажи. Бабка с тремя металлическими зубами и в жуткой телогрейке, которая пыталась продать ему самогон – ну чем не ведьма? Контролер, не злой вроде бы человек, который так радовался, когда ему удавалось кого-нибудь поймать – дорисовать ему клыки и добавить красноты в глаза, кокой ведь вампир получится.

Пресса вяло сообщила о его возможной гибели, первых подвижек в следствии надо было ждать несколько месяцев.

Руки потянулись к работе. Ноутбук пришлось облить краской, содрать эмблему и поцарапать клавиатуру – маскировка от криминала, разве только наркоман стал бы грабить за такую потрепанную машинку, но от таких Скреститель мог отбиться, да и ночевал больше в людных местах.

Потребовалось научиться управлять курсором в постоянной тряске, приловчиться к отблеску экрана, почти хаотическому освещению. Потом начались рисунки. Аккуратные наброски свинов, грызлов и нюхачей – ему даже не приходилось особенно уродовать лица гибридов. Жадность, любопытство, равнодушие, похоть – все это было перед ним. Физиономии, которые годами, десятилетиями впечатывали в себя эти чувства, текли почти непрерывным потоком. Была и надежда, любовь, желание приносить окружающим счастье – насколько трудней было их выразить. Ведь животные тут почти не подходят – старый тур, с грудью увешанной орденами выразил благородство, но корова олицетворяющая добродетель, абсолютно не смотрелась. Правда, получилась Афродита, выходящая из моря, с перепонками между пальцами, да глаза мудрой совы, которую он разглядел в старой учительнице.

Художник кочевал с восточной железной дороги на южную, потом на западную. Сплавался по рекам и даже один раз был в лимане. Третий класс дешев, а подножки вообще могут быть бесплатны. Художник научился говорить идеальные комплименты проводницам и по душам беседовать с боцманами. Иногда устраивал себе разрядку:

микроскопическая авиакомпания подбрасывала на пару тысяч километров всякого, кто мог похрустеть купюрой, и Скреститель любовался видом подмерзших полей и серых осенних рек. Он подстригал бороду ножничками из швейцарского ножа и умел вымыться холодной водой в раковине. Знал, где можно найти стиральную машину и подешевле купить пару носков. Приходилось менять и верхнюю одежду – приравниваться к сезонам – и он выяснил, какая из барахолок страны самая дешевая. Там же удалось зарисовать отличные семейства хорьковидных жуликов, хомякоподобных торговков и крысообразных проверяльщиков.

Кем казался он соседям по скамейке, сиденью или стойке? Случайным путником, человеком, который пройдет мимо – художник очень старался это делать, и это удавалось ему много лучше чем богемные позы. Бывало, он целыми днями не говорил не слова – покупал билет в автомате, молча протягивал его контролеру, приветливо-ранодушно улыбался попутчикам. В бороде его пряталась чуть заметная ухмылка, пальцы пританцовывали на клавиатуре в казавшемся бесконечным движении. Скреститель заштриховывал, клал грунт или последними мазками завершал образ на виртуальном холсте – почти он всегда заслонялся от соседей.

Потом Скрестителя чуть не ограбили – какой-то оборвыш, грязный и наверняка вшивый беспризорник долго караулил момент и мгновенно схватил машинку. Не будь цепочки, которой художник приковал свой архив к поясу, стал бы он беднее на целую картинную галерею. Породило это в голове транспортного художника самые мрачные мысли. Даже то, что Скреститель решил перебраться поближе к цивилизации, на городские маршруты, не давало ощущения безопасности. Надо было срочно маскироваться – стать полностью неотличимым от маленького бедного человека, очень внимательно отсчитывавшего деньги за билет. Не суетливым занятым незнакомцем, что постоянно долбит что-то на клавиатуре, а спокойным ленивым попутчиком, слишком уставшим для любых разговоров.

Художник углядел в одном из журналов рекламу нового интерфейса. Пришлось сделать реальными часть тех денег, что лежали на изолированном счету. Теперь Скреститель больше напоминал слепого – очки заменили дисплей, клавиатура обернулась перстнями. Ноутбук, укрытый изоляцией от статических разрядов, окончательно переключался в рюкзак. Только руки приходилось прятать в карманы, чтобы его не принимали за больного.

Он стал призраком, почти неощутимым отзвуком вагонных колес, расхаживавшим по электричкам, автобусам и трамваям. Как зимний рассвет отражается в глазах полусонной студентки? Может, из нее можно сделать фею или эльфийку? Сонный пролетарий перевоплощается в гнома. Шофер, если надеть галабию, заострить нос и удлинить челюсти – то отличный погонщик турдов пойдет в коллекцию образов.

Но абсолютно вольной птицей он не стал, приходилось держаться в курсе новых книг, читать массу романов и повестей, знать самые кассовые из них – и аккуратно бросать жар своей души на их иллюстрирование.

Однако прошел целый год, прежде чем в тех изданиях, тех слухах всемирной паутины, к которой изредка подключался художник, стали заметны первые признаки посмертной канонизации. Всплыли несколько его лучших сюжетов и та компания, что чаще других воровала их, объявила свою конкурентку, тоже не стеснявшуюся, в плагиате: негоже выдавать произведения покойного за свои собственные. Вторая выставка его работ заняла лучшие залы того музея, в котором они остались, и ее специально продлили на два месяца. Выпустили альбом репродукций, а рассеянные по оценщикам картины пошли с аукциона и собрали такую сумму, которую им бы ни за что бы не взять при жизни автора.

После этих известий жизнь Скрестителя на несколько недель превратилась в пытку ожидания. Слава манила его, но надо было ждать – еще слишком мало денег вложено в его работы. Надо больше усилий судьбы: пусть картины несколько раз перейдут из рук в руки, пусть музей первого ранга купит и выставит у себя хоть несколько заметных полотен. Хотя бы «Минотавра» – сюжет ведь классический, нарисован маслом и как нарисован... Надежду внушало другое – будь вся его живопись на классические темы, такой оборот занял бы пару десятков лет. С иллюстрациями к фантастике, которые порой были больше, чем иллюстрации, должно было пройти быстрее. А пока надо найти новое поле деятельности, отвлечь себя работой, и художник стал рисовать дворцы и лачуги для тех существ, что в изобилии сочинил раньше. О, ему пришлось прочесть десятки книг, пересмотреть тысячи рисунков – его даже запомнил в лицо один из владельцев интернет-кафе – Скреститель вполне мог сдавать экзамены в архитектурном институте. И он начал выдумывать.

По правде говоря, было в его «строительных» работах что-то приземленное, почти обывательское – виной тому архитектура полустанков и перегонов, которые он нанизывал на совою одинокий путь. Волшебные дворцы он всегда окружал флигелями, пристройками и конюшнями. В парковых беседках обязательно были старые, местами поломанные решетки, а ступеньки высоких башен были выщерблены тысячами подошв. Но все равно, сравнивая их с теми поделками, что наполняли всемирную паутину, художник выбирал собственные творения, не всегда честно, хоть сторонний наблюдатель вряд ли обвинил бы его в высокомерии.

Так появился мраморный муравейник, выточенный его обитателями из глыбы, упавшей с утеса. Небоскреб специально для орков, вообще без стекла и пластика, одна сталь, вся в царапинах от когтей, зубов, ножей и шиповатых ботинок – там помещалась биржа, а брокеры были парнями горячими, не откладывали покрытие убытков в долгий ящик. На эльфийские дворцы не он один точил карандаш, его воздушные конструкции были красивы, но слишком уязвимы для эстетствующей критики. К средневековым замкам он мало что мог добавить, вот разве что защиту от магии – целая коллекция частоколов из осины, стен фигурной кладки и девятигранных башен обосновалась в памяти машины. Кстати, пришлось ее увеличивать – художник не хотел ничего стирать, а места там не оставалось.

Встречал ли он знакомых в своих бесконечных разъездах? Много раз – вокзальные площади, центральные проспекты городов, часть трамваев и автобусов регулярно выбрасывали привычные лица. Что им, однако, было до грязноватого человека с бородой и в черных очках? Только один раз в электричке, когда у него еще был ноутбук, из-за плеча на экран посмотрел любитель фантастики. Пришлось прикинуться схожим фанатом и полчаса перемалывать коллегам косточки – выяснилось, что он состоял с ним в переписке и чтобы не искушать судьбу, Скреститель вышел на первой остановке. Впрочем, он тщательно занес в архив все обстоятельства разговора – коллекция самых необычных фактов, которыми он должен был подтверждать свою биографию, у него была всегда наготове.

Скреститель начал выполнять большие картины – батальный размах сцен, штурмы крепостей и свадьбы вельмож. Особенно удался ему портовый город на утесах Эшхерута, новый фантазийный роман, разворачивался именно там. Город Ункар взбирался от волноломов по отвесным скалам, выше и выше – хижины из плавника, напоминавшие птичьи гнезда, сменялись выдолбленными в скалах лавками мастеровых, те уступали место купеческим мансарда, опоясывавшим утесы многоцветным поясом, а в высоте, прокалывая подбрюшье облаков, маячили башни магистрата. Скреститель нарисовал сотни обитателей этого места: лощеных буревестников-бургомситров, выражение глаз которых подглядел за тонированным стеклами Мерседесов, и рыбаков, щеголявших

татуированными жаберными пластинами, рано постаревших, почти как дорожные рабочие. Придумал дизайн тамошних женских украшений, орнамент на лестницах и фигурки горгулий на водостоках.

Художник несколько раз брался за Минас Тирит и Минас Моргул, но решил, что эта тема подождет стационарной мастерской. Зато отлично вышел Большой порт Хавнора. Между тем Скреститель оставил город, в котором скоро его начали бы запоминать троллейбусный кондукторы и отправился в последнее, как он надеялся, паломничество по стране.

Все данные о росте цен на картины, новых выставках и даже появлении своих портретов на глянцевых страницах - он воспринял спокойно. Этому страшно радовались дальние его родственники, понемногу богатевшие. Художник ждал возникновения общества своей памяти или, на худой конец, внесение своего имени в анналы уже имеющихся клубов поклонников живописцев от фантастики. Пусть оно станет чуточку святым, ведь при воскресении ему понадобится поддержка множества людей – а симпатии одиночек становятся материальными только в организации.

Наконец, на маленьком перегоне между двумя городишками, не так давно считавшимися курортными, он подключился к всемирной паутине – и увидел на своем посмертном сайте новости о его выставке, первой настолько большой и разрекламированной. Музеи объединились с издательствами, где хранились его первые работы. Много в рекламе было именно для поклонников. Этого симптома он ждал – пора было воскресать.

И когда художник ехал в свой родной город – он создал лучшую вещь, иллюстрацию маленького рассказа о городке, где люди превращались в животных. Зачем фантастический антураж, другой оттенок неба и ветвистая пшеница в полях? Обыкновенный вагон электрички, дымный, грязный и ободранный. Самая обычная одежда – кепки и панамы, куртки и пиджаки, ботинки и сапоги. Да и люди почти обычные, занятые своими делами – чтением газет, уплетанием пирожков и слушанием приемников. Только в каждом из них можно угадать животное, безошибочно вычислить, носорог это или бык, корова или гепард. У них нет торчащих из-под причесок ушей, высовывающихся хвостов, кожаных носов или шерсти. Нет. Это лица, анатомически правильные, грамотно расположенные и абсолютно достоверно подходящие к головам, - они несли на себе отпечаток звериных сущностей.

Легкая неуверенность поселилась в сердце Скрестителя, когда осталась позади последняя пересадка и ставшая родной электричка подъезжала к вокзалу. Можно ведь было повернуть, остаться человеком толпы, тенью собственной славы. Ведь хорошо жить в гуще людей, где еще будет у него столько натур, как он в пустой квартире сможет заглянуть в души? Может он обретет покой в бесконечной гонке за совершенством? Если объявиться не при первой возможности, а через много лет – и тогда обнародовать те тысячи картин, что скопятся у него? Они не пропадут, найдут себе дорогу, останутся в копилке человеческого духа.

Но Скреститель не остановился. К чему покой, если он только для одного, если все другие не знают о нем. Зачем картина, отражающая человеческую душу, если люди ее не видят? Да и без игр и фильмов его картины останутся статичными наработками – а они должны ожить. Художник въехал в родной город как призрак будущего шторма: еще неошутимый, но несущий в себе семена бури. Прикупил несколько носителей памяти и оставил копии галереи в абонированных сейфах и случайных дуплах. Посмотрел, что стало с бывшей квартирой и добыл отчеты по делу о поджоге. Распечатал три десятка лучших новых работ и приготовил их для рассылки.

Оставалось только эффектно явиться из небытия. Пришлось сбрить бороду и пока наклеить усы – во избежание слишком быстрого опознания. В старом облике Скреститель отправился к организаторам выставки – пришлось час ждать в приемной – и предложил себя на роль двойника покойного. Такие инсталляции были модны, особенно на политических похоронах, когда в толпе прохаживались гримированные под проигравших соперников артисты. Короткие переговоры закончились примеркой реквизита и выдачей некоторой суммы аванса. Скреститель вошел в роль и легко выдержал сравнение со своим экранным изображением. Ему только посоветовали поправиться на пару килограмм и пользоваться хорошим кремом от морщин, иначе через пару лет он выйдет из образа.

Ночь перед открытием он провел в гостиничном номере – первая приличная кровать за три года, - раскладывая картины, записывая и отсылая обращения к почитателям таланта и прикидывая, как эффектней сорвать церемонию. Ведь никого из хорошо охраняемых людей не будет, и охрана вряд ли быстро схватится за пистолеты... Пришлось выпить валерьянки.

Открытие выставки претендовало на оригинальность – в толпе дурачились артисты, наряженные персонажами безвременно усопшего художника, два десятка его собственных личин, скрещенных с разнообразными животными, улыбались с плакатов. Картины бережно сохранялись за броневыми стеклами, а компьютерные наброски и чисто виртуальные творения мелькали на больших экранах. На Скрестителя показывали пальцами, он улыбался в ответ и давал шуточные автографы.

В центральном зале музея воздвигли маленькую эстраду, мини-эшафот с плавными изгибами форм, на который взбирались ораторы. Художник протолкался поближе – сценарий предписывал ему произнесения двухминутной, донельзя патетической речевки. Вокруг толпились его бывшие заказчики, не из самых, правда, богатых, коллеги, критики, новые почитатели.

- ...он не успел так многого. Сотни набросков не стали картинами, тысячи идей, теснившихся на его полотнах, только сейчас начинают воплощаться в жизнь. Он, как сверхновая, кажущаяся нам яркой и живой, что уже стала холодным сгустком материи - но разве от этого она менее красива? Нет, ее свет будет миллионы лет странствовать через космос, дарить самым разным существам радость и удивление... - критик, несший эту ахинею, сейчас по совместительству выполнял обязанности конферансье. Он поискал глазами двойника Скрестителя и слегка махнул ему ладонью. Тот нажал кнопку пульта, в эфир ушел экстренный вызов стражей правопорядка, и поднялся на сцену.

- Господа, - под легкий хохоток и аплодисменты художник характерным жестом поправил черный берет, в котором так любил красоваться раньше, - вы все знаете, как обходиться с истинным талантом. Как окружить его вниманием и подлой заботой, как сделать его несчастным и не говорить гадостей его музе.

Публика слегка насторожилась, а у конферансье удивленно выгнулись брови.

- Но даже после всех ваших ласк, уже в гробу, талант не перестает творить, - он выпростал из-под плаща свиток распечаток, - Вот мои посмертные творения. Господин Ядовский, как вам посмотреть на себя в качестве зажавшегося бабуина?

Публика почувствовала запах скандала, критик Ядовский сделал вид, что ему весело, а несколько крепких молодых людей начали быстро протискиваться к эшафоту.

- Господа, вы все знаете, что мертвый художник – безопасный художник, но как вы все ошиблись! – он швырнул в толпу распечатки, вытряхнул из рукава кастет, развернулся и отретпетированным движением приложил его к челюсти конференсье.

- Ну почему вы не радуетесь, я же воскрес?! – люди, ухитрившись не пролить шампанское, отшатнулись перед падающим телом, и теперь старательно показывали, что их это не касается, пусть разберется охрана. Скреститель уклонился от шокера молодого человека, что подбежал к нему первым, впечатал кастет ему в живот и сбросил навстречу остальным. Потом кинулся в самую гущу толпы тех бдительных к искусству людей, которых так ненавидел. Кажется, он успел сломать пару ребер, прежде чем темнота ударила его в затылок.

- Господа, господа, очередной сумасшедший! Сейчас охрана сдаст его наряды. Ну, может быть минут через пять... - мрачно подшучивал конференсье-дублер, - Господин Зобам, вы тесней других работали с покойным, поведайте нам о сложном внутреннем мире этого замечательного художника...

И пока искрящийся корабль музея дрейфовал по не менее блистающему океану города, так вовремя подоспевшие обладатели синих мундиров, везли в отделение подозрительного хулигана.

- Буйный, однако, - удивлялся водитель, - Вся рожа разбита, а он смеется.
- Обезболивающее заранее надо принимать, - отозвался сзади бодрый голос.
- Сейчас в отделение завезем, в обезьянник засунем, по-другому запоешь.

Улыбка не сходила с губ Скрестителя пока его пробивали по компьютеру, пока удивленно перепроверяли данные, даже когда нанятый по почте адвокат обнаружился на пороге отделения, его встретило веселое подмигивание заплывающего глаза подзащитного.

Истинные размеры свиньи, которую художник подсунул критикам, стали проявляться только к утру. А чтобы понять размах его творчества, рассмотреть все те картины, что создал странствующий живописец, потребовался не один месяц. Как раз столько, чтобы как следует встретить его на выходе из тюрьмы.

Январь 2003